Е. М. Штаерман

РАБСТВО В III—IV ВВ. Н. Э. В ЗАПАДНЫХ ПРОВИНЦИЯХ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Для историка-марксиста не подлежит сомнению, что вопрос о рабстве является основным при изучении истории античности. Особенно он важен для такого периода, как кризис III в. и установление поздней империи. Чтобы понять причины этих явлений, надо попытаться выяснить, что же произошло в самых основах рабовладельческого общества, какие изменения в его базисе вызвали те явления политического и идеологического порядка, которые прежде всего бросаются в глаза при изучении этого периода.

К сожалению, в данном вопросе еще больше, чем в других вопросах, связанных с историей производителей материальных благ, мы наталкиваемся на препятствие в виде крайней скудости источников. Сравнительно немногочисленные надписи, содержащие данные о рабах I—II вв., для III в. совсем почти отсутствуют, литературные источники уделяют им все меньше внимания. Остаются, в основном, юридические памятники, которые при всем богатстве материала все же очень специфичны: известна консервативность и абстрактность римских юристов. Однако, как замечает Энгельс, право санкционирует существующие экономические отношения между отдельными лицами [1], и поэтому происшедшие изменения не могли не оставить своих следов в юридических памятниках. Как мы увидим дальше, эволюция во взглядах юристов на отдельные случаи на протяжении I—IV вв. довольно значительна и позволяет сделать ряд определенных предположений и заключений.

Буржуазная литература, посвященная рабству времени империи, очень бедна, и чем дальше, тем меньше этот вопрос привлекает внимание западноевропейских и американских античников. Все они более или менее следуют за Ростовцевым, отрицающим, что причиной гибели Римской империи был кризис рабовладения, исходя из положения, что ко времени упадка и застоя рабство уже почти не играло роли и было заменено свободным трудом. Имеется также тенденция преувеличивать феодализацию экономики, что, как известно, связано со стремлением представить переход к средним векам в виде безболезненного эволюционного процесса, а не как смену одной формации другой.

---

[1] См. Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, 1949, стр. 47.

В нашей литературе за последние годы появились работы, посвященные этой или близким к ней темам [1]. Эти работы устанавливают для интересующего нас периода изменения в форме эксплуатации рабов, выразившиеся в предоставлении им пекулия, сближение их по положению с колонами, приобретавшими все большее значение, рост вольноотпущенничества, рост классовой борьбы рабов и колонов — явления, знаменовавшие собой глубокий кризис рабовладения. Однако большинство авторов считают, что во все время существования империи, при всех изменениях, рабы оставались главным производящим классом, а деление на рабов и свободных — основным делением общества. Изменения в положении рабов приписываются уменьшению числа рабов вследствие прекращения войн и притока пленных и обратному влиянию на рабство колонатных отношений, складывавшихся в поисках более производительных форм труда.

Все эти работы очень ценные и важные, оставляют в стороне некоторые вопросы, например: имела ли одинаковое значение форма эксплуатации рабочей силы для латифундий и для мелких и средних хозяйств, составлявших основу муниципального строя; были ли эти формы одинаковы для разных провинций; какие изменения в положении и использовании рабов произошли в поздней империи по сравнению с ранней империей; что, собственно говоря, представлял собой так называемый «свободный труд» в разные периоды существования империи, и каково было в разных провинциях его соотношение с рабским трудом. Между тем, все эти вопросы очень важны. Они дают ключ к пониманию того, почему в результате событий III в. победило крупное землевладение и формы эксплуатации, предвосхищавшие феодальные; почему в определенный период расцветала или приходила в упадок экономика тех или иных провинций, которые, как учат нас работы И. В. Сталина по вопросам языкознания, нельзя рассматривать только как составную часть империи; какова была роль провинций и отдельных классов и слоев населения в кризисе III в., который в буржуазной литературе рассматривается то как борьба между собой отдельных провинциальных армий, то как борьба «армии» и «сената». Наконец, вопрос о «свободном труде» должен помочь нам в борьбе с вышеупомянутыми модернизаторскими стремлениями западноевропейских и американских историков Рима. Я, конечно, нисколько не претендую на разрешение всех этих труднейших вопросов, которые, однако, должны быть поставлены в порядке обсуждения и привлечь внимание наших античников.

Данные об экономике и социальном строе III в. представляются, на первый взгляд, очень противоречивыми. С одной стороны, мы имеем ряд сообщений о богачах, силой или обманом захватывающих чужие земли, что как будто свидетельствует о ценности земли; с другой стороны, многие земли пустуют и уже со времени Аврелиана распределяются для обработки в принудительном порядке. С одной стороны, рабы массами отпускаются на волю, с другой — массы свободных опускаются до уровня рабов. Все бо́льшую роль играют крупные латифундии, и вместе с тем усиливается значение крестьянства и населенных крестьянством прирейнских и придунайских областей. Труд становится все менее производительным и все более принудительным для большей части населения, и вместе

[1] Много дают соответствующие главы «Очерков по истории древнего Рима» В. С. Сергеева, статьи А. Д. Дмитриева, с докторской диссертацией которого я имела возможность ознакомиться только по автореферату, книга К. В. Островитянова, Очерки экономики докапиталистических формаций. М., 1945, статья М. Н. Меймана, Экономический закон движения рабовладельческого способа производства, «Ист. зап.» № 22 (1947), стр. 314—366; статья А. Р. Корсунского, Honestiores и humiliores, ВДИ, 1950, № 1, стр. 81—90.

с тем он начинает выше расцениваться и пользоваться большим уважением, что когда-либо раньше[1]. С одной стороны, начинают закрепляться наследственные сословия, профессии и т. п., с другой — происходит смешение различных социальных групп.

Юристы III в., оставляя в силе исконное распределение людей на свободных и рабов, вынуждены косвенно признать, что это деление уже не вполне соответствует действительности. Наиболее ярко выражают это слова Павла: «Трудно распознать свободного человека от раба» (Dig., XVIII, 1, 5), слова, чрезвычайно странные для римлянина, особенно же для римского юриста. Мы видим, что появляется целая категория рабов, считавших себя свободными «по чистой совести» (sine dolo malo). По Ульпиану, это были рабы, получившие свободу по завещанию и не знавшие, что завещание впоследствии было признано недействительным, рабы, отпущенные на свободу тем, кто ошибочно считался их господином, наконец, те, кого воспитывали как свободных, и они не знали, что они рабы (Dig., XL, 12, 12). Только столкнувшись с законом, они убеждались в своей ошибке (там же, 10). В конце III и начале IV в. известны случаи, когда раб, добросовестно считая себя свободным, заключал контракты, вступал в брак, даже становился городским магистратом и декурионом[2]. Были изданы законы, запрещавшие начинать дело о статусе лица через пять лет после его смерти (CI, VII, 21, 5—8), что гарантировало действительность его сделок и положение его детей. Наконец, Диоклетианом было постановлено, что раб, пробывший на свободе sine dolo malo 20, а затем и 16 лет, автоматически становится свободным. Здесь под sine dolo malo понимается прежде всего образ жизни раба и его положение и должность, если господин знал о них и им не препятствовал[3]. Рабы, на которых распространялся этот закон, были, повидимому, люди, владевшие известным состоянием, а такие рабы с середины III в. начали пользоваться не только фактическими, но даже и юридическими привилегиями. Если еще для Гая раб стоял настолько ниже свободного, что не мог считаться оскорбленным и что нанесенное ему оскорбление считалось только оскорблением его господина (Inst., III, 222), то Ульпиан уже пишет, что обиду раба нельзя оставлять неотмщенной, даже если господин и не вступился за него. Однако, оговаривается Ульпиан, следует выяснить, кто был обиженный раб, и вступиться только в том случае, если это был раб «почтенный» — диспенсатор (т. е. управитель), ординарий (т. е. раб, сам имеющий своих рабов — викариев); если же это был простой раб (vulgaris) или чернорабочий (mediastinus), то тот, кто его высек, скорее всего просто заботился о «добрых нравах» (Dig., XLVII, 10, 15). Для юристов II в. всякий раб хуже свободного (Dig., XLVIII, 19, 28); но в III в. незначительный свободный человек часто безуспешно искал в суде управы на богатого раба сильного владельца. В трех таких случаях обиженные апеллировали к Диоклетиану; в одном из случаев раб похитил жену истца, в другом — рабыню, а в третьем не только явно отнял его имущество, но еще нанял людей, которые его высекли[4]. Достигнуть известного благосостояния часть рабов могла благодаря предоставленной им значительно большей экономической самостоятельности, между прочим, в распоряжении пекулием, который Павел уже приравнивал к имуществу (quasi patrimonium)

---

[1] Е. М. Штаерман, Отражение социальных противоречий в культе Геракла, ВДИ, 1949, № 3, стр. 60—72.
[2] CI, V, 18, 3; VII, 16, 11 и 41; X, 32, 2 и др.
[3] CI, XII, 22, 1—2; CTh, IV, 8, 7—9.
[4] CI, III, 41, 4; 5; IX, 12, 4.

свободного (Dig., XV, 1, 47). В принципе считалось, что раб получает пекулий от господина и господин может его в любое время отнять, что все приобретенное рабом и поступающее в пекулий становится собственностью господина, так как раб ничем владеть не может. Но на практике отношения складывались иначе. Пекулий становился настолько неотъемлемой собственностью раба, что сохранялся даже за беглым и из него только вычиталась сумма, на которую раб становился дешевле вследствие побега (Dig., XXXIII, 8, 9). Юристы II в. считали, что господин не может быть должен своему рабу: если господин свой долг не признает, то долг сам собой аннулируется; юристы III в. уже включали в пекулий раба то, что господин задолжал ему (Dig., XXXIII, 8, 6). Было установлено, что рабы не отвечают по контрактам своих владельцев (CI, IV, 13, 5). Эта неотъемлемость пекулия гарантировала платежеспособность раба лицам, вступавшим с ним в деловые отношения, в первую очередь, самому господину. Так, например, Гордиан разбирает случай, когда раб арендовал имение у госпожи, остался ей должен и был отпущен на волю без пекулия; по разъяснению императора, последнее обстоятельство лишило госпожу права требовать возврат долга (CI, IV, 14, 4). Экономическая независимость и юридическая ответственность раба достигалась также тем, что ему предоставлялось свободное распоряжение пекулием и тем самым обеспечивалась действительность его сделок [1]; что ему сдавалось имение, предприятия, корабль и т. д. на правах usus fructus с правом владеть всем, приобретенным своим трудом [2]; что он получал известную самостоятельность в распоряжении капиталом, выделенным ему для ведения мастерской или лавки, причем этот капитал отличался от пекулия и господин имел на него права не абсолютные, а только преимущественно перед другими кредиторами раба (Dig., XIV, 4, 1; 5). Какого благосостояния достигали иногда рабы, показывает случай, разобранный в одном рескрипте Гордиана: раб получил свободу по завещанию, но наследники его господина отказались от наследства, чрезмерно обремененного долгами. Раб предложил из своих средств оплатить долги, чтобы получить свободу. Император дает на это разрешение, причем пишет, что такое положение предусмотрено законом Марка Аврелия (CI, VII, 2, 6), из чего видно, что случай этот не был единичным. Эти богатые рабы, выкупаясь на волю, попадали в привилегированное положение и среди отпущенников, так как законы различают отпущенных «милостью господина» и выкупившихся за свой счет, причем обязанность последних относительно господина практически сводилась к нулю.

Рост экономической самостоятельности известной части рабов сопровождался ростом вольноотпущенничества и все большей независимостью отпущенников относительно патронов. Условия отпуска рабов становятся все более льготными. Так, в I в. Лабеон писал, что если по завещанию раб-управитель должен получить свободу за усердие, то его усердие определяет сам наследник, управляющий должен сдать все счета и собрать все недоимки (Dig., XL, 7, 21); в III же в. считалось, что раб проявил уже усердие, если не замечен ни в чем преступном, отдельные убытки не должны быть поставлены ему в вину, причем о поведении раба судит не наследник, а какой-нибудь сосед, хороший и добросовестный хозяин (Dig., XL, 5, 18). Родные раба могли начинать тяжбу об его освобождении даже против его воли (Dig., XL, 12, 1). Марк Аврелий разрешил рабам подавать в суд на господ, если те скрыли завещание, по которому рабы получали свободу (Dig., XLVIII, 10, 7). Александр Север пошел так далеко,

[1] Dig., VI, 1, 41; XIII, 7, 18.
[2] Dig., IV, 3, 6; VI, 3, 21.

что объявил долгом (pietas) сына освободить тех рабов, которых любил его умерший отец, даже если тот и не сделал соответственного завещания (Dig., XL, 5, 38). Если наследник мешал рабу исполнить условия, на которых ему давалась свобода, например, если раб должен был определенное количество лет отработать на стороне, внося господину плату, а господин заставлял его служить по дому, то раб все равно освобождался (Dig., XL, 7,3). Ульпиан сформулировал общий закон: во всех сомнительных случаях следует решать в пользу свободы (Dig., L, 17, 179). Дела по отпуску на волю всячески облегчались [1]. В III в. отпущенники становятся все самостоятельнее. По существу, даже запрещение им подавать в суд на патрона свелось на-нет. Александр Север пишет одному отпущеннику, затеявшему тяжбу с патроном, что он вообще не смел этого делать, а раз он уже счел себя обиженным и подал в суд, то должен был по крайней мере воздержаться от оскорбительных выражений (CI, VI, 5, 4). Повидимому, правительство старалось поддержать этот слой общества. Так, например, согласно юристу II в. Сцеволе, патрон не должен мешать отпущеннику заниматься деятельностью, которая не наносит ущерба самому патрону (Dig., XXXVIII, 1, 45), т. е., повидимому, если отпущенник не являлся его конкурентом. А по Ульпиану, жившему в III в., патрон уже не может воспрепятствовать никакой деятельности отпущенника (Dig., XXXVII, 14, 2).

Зато права патрона на имущество и труд отпущенника оставались неизменными. От работы на бывшего хозяина освобождался только тот, кто выкупился на свой счет, или имел двух сыновей (CI, VI, 3, 6; 7). Если отпущенник знал какое-нибудь ремесло, он должен был заниматься им в пользу патрона, который мог пользоваться им сам или сдавать его за плату. При этом во II в. считалось, что отпущенник должен работать на патрона, только пока сам занимается своим ремеслом, а в III в., — если даже прекратил им заниматься. Только если вольноотпущенник достиг высокого положения (dignitas), несовместимого с ремесленным трудом, он мог перестать обслуживать патрона в этом смысле [2]. Труд отпущенника в пользу патрона приравнивался к взятым взаймы деньгам; однако речь шла только о производительном труде отпущенника (Dig., XXXVIII, 1—4; 6). Это свидетельствует о стремлении сократить непроизводительное использование труда на личные услуги.

Право господина и его потомков на часть имущества умершего отпущенника утверждается при Адриане (Gai., Inst., III, 41). Особенно сильный нажим на отпущенников в пользу патронов имел место при Коммоде, который постановил, что отпущенник, оставивший в нужде патрона или проявивший к нему непочтительность, возвращается в рабство, а если патрон отказывается взять его, продается, и вырученные за него деньги передаются патрону (Dig., XXV, 3, 6); Коммод отнял и дававшее ряд привилегий право ius annulorum у тех отпущенников, которые получили его без ведома патрона (Dig., XL, 10, 3). В III в. патрон теряет право вернуть в рабство провинившегося отпущенника, провозглашается принцип, что раз данная свобода не может быть отнята, но «непочтительный» отпущенник мог быть наказан розгами и лишен имущества (Dig., XXXVII, 14, 5).

Такая политика в отношении отпущенников вызывалась, с одной стороны, необходимостью поддержать с их помощью разоряющихся владельцев. В обычае было завещать свободу и свое имущество, обремененное долгами, наиболее энергичному и богатому из рабов, который не имел права отказаться от наследства, кое-как расплачивался с кредиторами и затем

[1] Dig., II, 10, 2; III, 3, 93.
[2] Dig., XXXVIII, 1, 23; 25; 38.

должен был содержать детей и внуков патрона и оставить им часть своего имущества (Dig., XXXVIII, 2, 12). С другой стороны, желательно было заставить отпущенника работать, так как труд приобретал все большую ценность по мере того, как в условиях рабовладельческой формации становился все менее производительным. Ульпиан рассматривает отношения между патроном и отпущенником как подобие товарищества на паях [1]. В товариществе же нередко считалось, что компаньон, вносивший свой труд, дает больше, чем вносящий деньги, так как труд важнее денег (Gai., Inst., III, 148). Отношение к труду в III в. ярко характеризует следующий факт: Гай, живший во II в., когда кризис рабочей силы еще не так обозначился, считал несомненным, что плоды, выросшие из семян, засеянных на чужом поле, принадлежат хозяину поля (Dig., XLI, 1, 9); этот же закон существовал и в юридических памятниках позднейшей феодальной эпохи. Между тем в III в. Ульпиан писал, что посеянное на чужом поле принадлежит не хозяину поля, а хозяину посеявших рабов, так как труд важнее, чем имущество (Dig., XXII, 1, 20). Такая оценка труда, нашедшая свое отражение и в ряде идеологических течений, знаменует глубокий кризис рабовладения. Однако кризис этот по-разному проявлялся в хозяйствах различного типа, в латифундиях и в средних и мелких имениях.

Последние в III в. приходили все в больший упадок, и владельцы их все более разорялись, должали, теряли свои земли. Развитие торгово-денежных отношений ускорило этот процесс; этим, между прочим, объясняется усиление в III в. отрицательного отношения к деньгам, богачам и торговле, наблюдающееся в произведениях того времени, идеализации простых отношений золотого века, многочисленные соответственные анекдоты об эфиопах, скифах и т. п. Маркс связывает усиление эксплуатации рабов с развитием товарно-денежных отношений, с производством не потребительной, а меновой стоимости [2]. Развитие этих отношений в античности привело к расцвету рабства. Во время империи, особенно в середине I и во II в., торгово-промышленные слои были тесно связаны с тем же средним землевладением, на котором зиждился муниципальный строй. За счет эксплуатации рабов галльские муниципалы выбрасывали на рынок лен и шерсть, африканские — зерно и вино, испанские — масло и т. д. Прибыли были достаточны, чтобы возместить расходы по содержанию рабов. В III в. ремесло и торговля приходят в упадок. «Когда общественные отношения, соответствующие определенной ступени производства, только возникают или когда они уже исчезают, естественно происходят нарушения производства, хотя в различной степени и различного действия» [3]. В III в. нарушение это было очень сильно. Денег нехватает, муниципальные землевладельцы должают и фиску, и более богатым соседям и разоряются. Это явление отмечается многими современниками. Особенно характерен рассказ виноградаря из «Героических историй» Филострата. Когда-то этот виноградарь был состоятельным человеком, жил в городе, передав хозяйство на руки рабам. В результате он залез в неоплатные долги, все его земли, за исключением маленького именьица, попали в руки богачей. Тогда он покинул город и сам стал обрабатывать свою землицу. Для содержания рабов, по его словам, нужны деньги, чтобы их одевать, кормить, покупать орудия производства. А теперь он живет, как в золотом веке, без денег, производя сам все необходимое и довольствуясь малым. Не следует забывать, что к середине III в. взаимоотношения рабовладельца и раба стали несколько иными. Рабовладение определяется в «Кратком курсе истории ВКП(б)» как такой строй, при котором «...основой производ-

[1] imago societatis. Dig., XXXVIII, 2, 1.
[2] К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 240—241; ср. т. III, гл. 20, стр. 344.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 178.

ственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства — раба, которого может рабовладелец продать, купить, убить, как скотину» (стр. 119). К III в. это положение, вследствие роста классовой борьбы, сильно изменилось. Достаточно известны законы, изданные в пользу рабов и смягчавшие их положение, «чтобы не доводить их до чего-нибудь отчаянного», как формулирует причины своей гуманности Антонин Пий. Эти законы ставили пределы эксплуатации рабов, обязывали рабовладельца прилично кормить и одевать рабов, чем повышали расходы на их содержание. Пользуясь работой вольноотпущенников, патрон должен был содержать их или давать им время на труд в свою пользу и на заботу о себе [1]. Рабы теперь обзаводились семьями, которые сперва по обычаю, а затем и по закону не могли быть расторгнуты и которые также надо было содержать. Уменьшение власти господина лишало его возможности выжать из раба весь тот труд, на который раб был способен. Как все эти ограничения давили на рабовладельцев, видно из того, что при продаже раба продавец должен был доказать, что раб никогда не прибегал к статуям императора в поисках защиты (Dig., XXI, 1, 19), а закон предусматривал наказание за «моральную порчу раба» тому, кто посоветовал рабу прибегнуть к статуям (Dig., XLVIII, 11, 5). Торговля рабами была затруднена многочисленными формальностями: надо было доказать, что продаваемый раб честен, трудолюбив, не беглый, не судился, не должен быть отпущен на свободу, и м е е т п е к у л и й, добронравен и т. п. [2]. Повидимому, переход рабов из рук в руки был не особенно частым явлением. Об этом свидетельствует правило, по которому при продаже раба надо было указывать, является ли раб «ветераном» или «новичком». Однако эти понятия определялись не сроком пребывания в рабстве, а положением раба. «Ветераном» назывался раб, занимавший какую-нибудь должность или обученный наукам и искусствам, и покупался не так охотно, как «новичок», «необразованный» (rudes), которого легче было воспитать по вкусам господина (Dig., XXI, 1, 37; 65). Следовательно, предпочитался раб, воспитанный в доме, что совпадает с данными надписей о преобладании доморощенных рабов (verna). В заботе об охране устоев рабовладельческого общества покупателю было вменено в обязанность заботиться о моральных качествах нового раба. Если раб у него «портился», т. е. становился «дерзким», пьяницей, игроком, проявлял желание бежать, начинал «презирать господ», то хозяин отвечал так же, как за соответственную «порчу» чужого раба (Dig., XXI, 1, 25). Такие установления могли возникнуть только в том случае, если купля — продажа рабов была не частой. В IV в. Константин прямо советует воздерживаться от продажи рабов, так как «полезнее», чтобы они оставались у одного и того же господина, что, вероятно, облегчало надзор за ними (CI, V, 37, 22). В большей степени и раньше эти стеснения начали проявляться относительно сельских рабов. Уже Септимий Север запретил продавать их кураторам и опекунам малолетних без особого разрешения презида провинции (Dig., XXVII, 9, 1). Впоследствии Константин ограничил продажу сельских рабов пределами провинции; окончательно п р о д а ж а с е л ь с к и х р а б о в б е з з е м л и была запрещена в 366 г. (CI, XI, 47, 7).

Но и до такого формального запрета связь рабов с имением все более возрастала. Так, юрист I в. Альфен считал, что в инвентарь имения люди не включаются (Dig., XXXIII, 7, 8); тогда рабы, фамилия, были связаны с личностью pater familias, а не с недвижимым имуществом. Юристы III в.

[1] cura corporis, Dig., XXXVIII, 1, 20; 33; 50.
[2] Dig., XXI, 1, 20; XL, 7, 9.

уже безоговорочно считали людей принадлежностью имения. Мало того, Сцевола, писавший во II в., хотя и включает в завещанное имение рабов, но не разбирает, откуда они происходят: имение передается наследнику со всеми бывшими там в момент смерти завещателя (Dig., XXXII, 93). Напротив, Павел, Ульпиан, Модестин резко разграничивают рабов, происходящих из имения и постоянно там живших, от находящихся там временно. Первые включаются в наследство, даже если они ко времени смерти владельца там не проживали, будучи отосланы по делам, в учение, сданы в наем. Вторые же не включались даже в том случае, если жили там и исполняли какие-нибудь работы [1]. В противность мнению Лабеона, Ульпиан считает частью имения и тех рабов, которые находились там на положении колонов. Тот же Ульпиан оговаривает, что сельскохозяйственный инвентарь не может быть разделен между несколькими имениями, а всегда целиком должен быть приписан только к одному имению. Наиболее полно эту связь работника со средствами производства выразил Ульпиан, определив, что «наименование фамилии относится к вещам и лицам» (Dig., L, 16, 195). Та же мысль отразилась в законе, карающем того, кто в ущерб хозяину уговорит его фамилию отказаться от владения — possessio (Dig., IV, 3, 31). Фамилия стала рассматриваться как некий коллективный держатель имущества, принадлежащего хозяину. Имущество без людей и люди без имущества не имели цены. По словам Павла, при покупке раба нередко больше ценят его пекулий, чем его самого (Dig., XXI, 1, 44), но господин не продавал пекулия без раба или раба без пекулия. Неправильно считать, как это делают многие, что связь эта обусловливалась только финансовыми интересами государства и была создана искусственно для обеспечения бесперебойного поступления налогов. Та же связь обнаруживается не только в сельском хозяйстве. Те же юристы III в. пишут, что если завещана пекарня, то включается и хлебопек, если рыболовное предприятие — рыбак, если трактир — трактирщик, лавка — лавочник и т. д., так как иначе все это не будет приносить никакого дохода (Dig., XXXIII, 7, 13—15). Эта мотивировка очень важна, она показывает, что основной причиной указанного явления был недостаток в рабочей силе. Интересно с этой точки зрения проследить судьбу инквилинов [2]. В принципе инквилин — это съемщик жилого помещения за плату, причем закон оговаривает, что если он ничего не должен хозяину, то тот не имеет права его удерживать (Dig., XLIII, 22, 1). Однако постепенно эти съемщики попадают в зависимость от хозяев. В доме, пишет Павел, живут вместе с господами отпущенники, клиенты, инквилины (Dig., IX, 3, 4), которые, таким образом, ставятся на одну доску с зависимыми. Из другого места у Ульпиана можно заключить, что инквилины расплачивались с владельцем своим трудом и сближались в этом смысле с наемниками из чужих рабов и свободных (Dig., VII, 8, 4). В III в. в понятие «дома с инвентарем» включались ремесленники (Dig., XXXIII, 7, 18), т. е., повидимому, те же инквилины. По всей видимости, инквилины стали из свободных съемщиков помещения ремесленниками и работниками, обслуживавшими городские и сельские мастерские, организовывавшиеся хозяевами при их городских домах и виллах. И так же как сельский раб был неразрывно связан со своим имением, а раб-ремесленник со своими орудиями производства, инквилин соединялся с той мастерской или домом, которые он обслуживал. Таким образом, комплекс работник — средства производства создается не только в сельском хозяйстве, но и в других областях. Это положение, выгодное

[1] Dig., XXXII, 6, 8; XXXIII, 7, 12.

[2] Я здесь не касаюсь вопроса о том, какое специфическое значение приобрел этот термин впоследствии и о связи его с историей колоната.

крупным собственникам, постоянно нуждавшимся в людях, должно было затруднять мелких и средних рабовладельцев в поисках более выгодных форм хозяйства.

Любопытны данные, содержащиеся в многочисленных толкованиях юристов понятий «благоустроенное имение» и «имение с инвентарем» (fundus instructus и fundus cum instrumentis). Так, юристы I в. до н. э. считали, что люди, обслуживавшие сельскую фамилию, входят в понятие благоустроенного имения, но Ульпиан отрицает это (Dig., XXXIII, 7, 12). Только особо благоустроенные имения могли, по его словам, иметь таких, например, лиц, как садовники или ремесленники для ремонта виллы и тому подобных работ. Повидимому, содержание большого количества рабов стало многим не по средствам. Между тем, имения нуждались в целом ряде категорий рабов, которые перечисляют Павел и Ульпиан. Это рабы, обрабатывающие землю, надсмотрщики (monitores), виллики, пастухи, садовники, погонщики мулов, мельники, хлебопеки, прядильщики, ткачи, швеи, поварихи, сапожники, цирюльники, гончары, кузнецы, плотники, столяры. Если же имение содержало какие-либо особые статьи дохода, как, например, от охоты или меда, то еще охотники, пасечники и т. д.[1]. Кроме того, предполагалось еще наличие рабов городской фамилии, непосредственно обслуживавшей господина. Конечно, этот штат очень скромен в сравнении с тем, который мы находим в колумбариях I в., но в III в. содержать его было под силу только владельцам особенно богатых имений. Поэтому развивается практика найма и сдачи на сторону вольноотпущенников и рабов. Это считалось выгоднее, чем использовать своих работников. Павел писал, что нанятый или сданный раб сделает гораздо больше, чем свой (Dig., XL, 7, 4). Упадок хозяйства делал невозможным использовать и содержать своих рабов круглый год. Ульпиан упоминает рабов, которые часть года обрабатывали поле, а часть года посылались на заработки (Dig., XXXIII, 7, 12), рабов-гончаров, часть времени, проводивших на сельскохозяйственных работах (там же, 25). Иногда раб, отсылавшийся на заработки, должен был предоставлять господину ежегодную плату (там же, 19). Иногда раб передавался на определенных условиях usus или usus fructus. При этом предусматривалось, что фруктуарий должен с ним хорошо обращаться, применять только «умеренные» наказания, чтобы принудить его работать, и использовать согласно его квалификации, например, не заставлять секретаря таскать мешки. Контракты по usus fructus на рабов и завещания такого usus fructus оставались в силе, даже если господин подвергался capitis minutio [2], хотя все другие контракты завещания в таких случаях аннулировались. Это лишний раз показывает, как высоко ценился труд в это время и как делалось все возможное, чтобы обеспечить его непрерывность и целесообразное использование.

Повидимому, с распространением практики сдачи в наем рабов повысилась их специализация. Рабов часто отсылали в учение, и обучение их ремеслу считалось если не необходимым, то все же одним из полезных усовершенствований, поднимающих доходность имения, наряду с насаждением новых деревьев и покупкой скота (Dig., XXV, 1, 14). Очевидно, такие обученные и сдававшиеся в наем рабы составляли часть имения и передавались вместе с ним. При составлении цензовых записей, судя по Ульпиану, учитывалась национальность живущих в имении рабов, их возраст, должность и ремесло (officia et artificia) (Dig., L, 15, 4). Так как ценз составлялся для оценки доходности имения, то, очевидно, квали-

[1] Paul., Sent., III, 6, 34—54; XXXIII, 7, 12;
[2] Dig., VII, 17, 2; XXX, 2, 2.

фикация рабов имела в данном случае определенное значение. То, что Ульпиан говорит отдельно об их должности или службе и отдельно об их ремесле, заставляет предполагать специализацию не только в ремесле, но и в сельском хозяйстве. Она уже намечалась при Колумелле, считавшем, что иллирийцы являются наилучшими пастухами, а сирийцы — виноградарями.

Повидимому, часть владельцев пыталась поднять доходность имения различными дополнительными мероприятиями; кроме упомянутых выше пасек и охоты, юристы перечисляют эксплуатировавшиеся в имениях заросли тростника, залежи соли, извести, серы, песка, каменоломни и т. п. (Dig., VI, 3, 13). В ряде имений были керамические мастерские (Dig., VIII, 3, 6). Нужда в деньгах заставляла как можно больше производить в своем хозяйстве и, по возможности, сокращать количество рабов, сдавая своих и, в случае нужды, нанимая чужих квалифицированных рабов и свободных работников.

Однако это вовсе не значит, что рабство было заменено свободным трудом, как это считает Ростовцев. Положение тогдашнего наемника резко отличалось от положения наемного рабочего в современном понимании этого слова. В условиях рабовладельческой формации оно осмыслялось почти так же, как положение раба. Юристы III в. неоднократно подчеркивают, что фамилия включает рабов господина и его наемников, будь то чужие рабы или свободные [1]. Свободного наемника, так же как и раба, нельзя было допрашивать против хозяина (Dig., XLVII, 10, 15); за оскорбление, нанесенное наемнику, так же как и за оскорбление раба, вчинял иск господин (Dig., XLVII, 10, 15); с другой стороны, если наемник обкрадывал или обманывал хозяина, тот не мог подать на него в суд, так же как не мог, в аналогичном случае, подать в суд на раба, и ему предоставлялось право расправляться с обоими домашними средствами [2]. Как и рабы, свободные наемники могли быть подвергнуты пытке (Dig., II, 1, 7), и, что еще более показательно, они, как и рабы, не могли быть приняты на военную службу (Dig., XLIX, 16, 8). Изменялось постепенно и их имущественное положение. Во II в. еще считалось, что наемник владеет тем, что сделал своим трудом из своего материала (Dig., XL, 13, 19). В III в. наемник, как и раб, уже не признавался собственником чего бы ни то ни было, через него владел господин (Dig., XL, 13, 49). В это время наемника, как и раба, можно было получить в наследство, в приданое, сдать его по контракту и даже купить [3]. Хозяева, повидимому, на практике вовсе перестали различать тех и других. Диоклетиан восстановил права на свободу женщины, которая служила в одном доме, была дана в приданое как рабыня и считалась таковой (CI, VII, 16, 1).

Такое же влияние рабовладельческих отношений мы можем проследить и на другую категорию свободного труда, а именно труда колонов. Я здесь не имею возможности останавливаться на многочисленных теориях происхождения колоната и различных данных о колонах. Отмечу только то, что имеет значение для вопроса о рабстве и «свободном труде» в этот период.

При использовании юридических источников большим затруднением является то обстоятельство, что в них те или иные явления даются недифференцированно. Колоны рассматриваются как единая масса, и это заставляет некоторых исследователей [4] недоумевать, откуда произош-

[1] Dig., VII, 17, 4; XXI, 1, 25; XLIII, 16, 1; XLVII, 8, 2.
[2] Dig., XLVII, 2, 90; XLVIII, 19, 11.
[3] Dig., XXXIII, 2, 9; XL, 13, 54.
[4] Например, W. Heitland, Agricola, 1921, стр. 357 сл.

ли в IV в. крепостные колоны, когда еще в III в. колоны считались равноправными и свободными участниками договоров по аренде. Между тем, судя по тем же юридическим памятникам, были и такие колоны, которые могли выгнать владельца из имения (случай, рассмотренный в одном письме Галлиена, CI, IV, 65, 15), и такие, которых владельцы и посторонние могли согнать с их участков. Были колоны, имевшие, наряду с арендуемыми, также свою землю и инвентарь, и были такие, которые получали все это от владельца имения. Некоторые колоны имели рабов, некоторые, в свою очередь, имели колонов. Так, Павел упоминает колонов колонов и инквилинов инквилинов (Dig., XLIII, 16, 20). Были колоны из рабов, из пленных, поселенные не только на государственных, но и на частных землях; были и такие, которые с самого начала попадали в тяжелую зависимость от владельца, как его должники. Землевладелец, давший в залог свое имение и не смогший его выкупить, получал его от кредитора на правах прекарного держания (это, по словам Павла, с каждым днем становилось все более частым явлением, Dig., XLIII, 26, 1) и становился колоном в самом худшем положении (Dig., XLI, 1, 3). Такое прекарное держание в отличие от аренды не пользовалось никакой защитой закона и регулировалось только доброй волей владельца [1]. Надо думать, что в такое положение нередко попадали и средние землевладельцы.

Поэтому неправильно рассматривать всех колонов недифференцированно как для имений различных типов, так и с точки зрения их положения и роли в процессе производства.

Конечно, колон, бывший крупным съемщиком, использовал труд рабов. Юристы несколько раз упоминают, что колон несет ответственность за убытки, происшедшие вследствие небрежности его рабов (Dig., VIII, 2, 27; XIX, 2, 28; 30). Судя по контексту, здесь имеются в виду колоны, снимавшие имение целиком. Но Хейтланд определенно ошибается, считая, что колоны, арендовавшие мелкие участки, получали от владельца рабов для их обработки. Он механически переносит понятие инвентаря имения, оставленного по завещанию, на тот инвентарь, который получал колон. Между тем Ульпиан определенно пишет по этому поводу: «Колону должны быть предоставлены обычные орудия — прессы, тиски для оливок с веревками в хорошем состоянии, котел, в котором оливки моются горячей водой; другие сосуды для масла и бочки для вина, которые следует представить осмоленными» (Dig., XIX, 2, 19). О рабах, даваемых колону, нигде не упоминается. Напротив, сам колон мог иногда расплачиваться своим трудом. Ульпиан рассматривает случай, когда господин не хочет принимать от колона хлеб по установленной цене или вычесть деньги из платы за труд (там же). Как мы знаем из африканских надписей, на императорских землях колоны были обязаны определенными отработками; на частных землях, повидимому, считалось, что владелец как бы нанимает колона, причем он мог плату за труд засчитать в уплату арендных взносов колона.

Постепенно зависимость колона от землевладельца, так же как зависимость свободного наемника от нанимателя, начинает осмысляться с точки зрения норм рабовладельческой формации. Так, например, в известном трактате Киприана о падших во время гонений упоминаются главы семей, которые своим отступничеством «спасли души» своих домашних и своих колонов. Хотя колон был как будто свободным человеком, он, повидимому, не обязан был приносить жертву, если господин уже засвидетельствовал свою лойяльность. Юристы неоднократно подчеркивают, что колон, так же

[1] Dig., XLIII, 26, 8; 12; 14.

как и раб, не может ничем владеть для себя, все, что он добывает своим трудом, поступает в собственность господина, в этом он не отличается от раба [1]. Только крупный съемщик, арендовавший имение за деньги, мог вчинить иск за воровство в имении. Мелкие колоны, арендовавшие издольно или за плату натурой, этого права были лишены, так как украденное не считалось их собственностью (Dig., XLVII, 2, 23). Если колон имел свой инвентарь, т. е. опять-таки если это был состоятельный крупный съемщик, он сохранял на него все права, но если он приносил небольшое имущество, получая остальное от владельца, то он терял право и на свою собственность, которая включалась в инвентарь господина (Dig., XXXIII, 7, 24). Окончательное оформление это положение получило в IV в., когда колону было запрещено отчуждать что-либо из своего имущества без согласия господина [2]. На практике, судя по императорским разъяснениям конца III в., имущественное положение колона уже тогда почти совпало с имущественным положением раба; люди давали взаймы колонам, считая, что за них расплатится господин, или требовали с колонов данное взаймы господину (CI, IV, 10, 3; 11).

Таким образом, мы видим, что о развитии свободного труда в этот период можно говорить лишь очень условно, так же как и о феодализации. Старые производственные отношения рабовладельческой формации, когда «...рабовладелец является первым и основным полноценным собственником» [3], сковывали развитие нового феодального строя, для которого характерна «единоличная собственность крестьянина и ремесленника на орудия производства и на свое частное хозяйство, основанная на личном труде» [4]. Разрушение этих старых производственных отношений стало возможным только с падением империи.

С другой стороны, нельзя признать правильным и вышеупомянутое утверждение, что до конца империи рабский труд оставался основой производства. Рабский труд мог эффективно использоваться только при определенных условиях, причем, как мне кажется, здесь далеко не главную роль играл вопрос пополнения рабов извне в результате войн; конечно, крайняя дешевизна рабов, поступавших из покоренных стран, облегчала эксплуатацию рабов, но трудности в рабовладельческом хозяйстве начались уже в I в. н. э., когда количество рабов было еще очень велико и когда еще никто из современников, писавших по этому вопросу, не говорил о каких-либо затруднениях с рабочей силой. Опасность они видели не в недостатке рабов, а в их избытке. Чем больше было хозяйство, чем обширнее латифундия, тем менее выгоден становился труд рабов. Одно из важных затруднений было в его организации. Маркс говорит о необходимости труда надзора «...при всех способах производства, основанных на противоположности между рабочим, как непосредственным производителем, и собственником средств производства. Чем больше эта противоположность, тем больше роль этого верховного надзора за рабочими. Поэтому своего максимума она достигает в системе рабства» [5]. Эта роль надзора и организации труда очень живо чувствовалась античными хозяевами, и о ней писали все, пытавшиеся дать систему рационального хозяйства. Но более или менее целесообразный надзор мог быть осуществлен только при сравнительно небольших размерах имения и сравнительно небольшом количестве рабов. Увеличение того и другого делало хозяйство мало при-

---

[1] Dig., XLI, 1, 3; 25; XLIII, 16, 1.
[2] CI, XI, 49, 2; CTh, V, 19, 1.
[3] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 119.
[4] «История ВКП(б). Краткий курс.» стр. 120.
[5] К. Маркс, Капитал, т. III, 1949, гл. 23, стр. 398.

быльным, что также учитывалось и Колумеллой и Плинием Старшим. Поэтому рабство связано с имениями мелких и средних размеров, с муниципальным землевладением. Его упадок и упадок рабства неразрывно связаны между собой. О некоторых причинах этого упадка я уже говорила.

Найти выход из затруднений владельцам имений такого типа было весьма трудно. Крупные латифундии имели то преимущество, что легче могли приспособиться к условиям натурального хозяйства, производя все необходимое на собственной территории и довольствуясь торговлей или обменом между населением, подчиненным тому же господину. Так как невыгоды рабства стали прежде всего чувствоваться именно в латифундиях, то здесь особенно остро стоял вопрос с рабочей силой. Недаром же крупные собственники были в III в. заинтересованы в войнах, в результате которых на их земли поступали новые колоны. Из данных юристов явствует, как пестро было население крупного имения. В его число входил владелец с рабами для личных услуг, управители, виллики и акторы, наблюдавшие за имением, а иногда рабы на положении арендаторов и рабы рабов, колоны, и рабы колонов, инквилины, инквилины инквилинов, семьи всех этих лиц, отпущенники, обязанные работой на патрона или имеющие свои участки, свободные наемники, близкие к рабам. К этому прибавлялись и некоторые случайные элементы — беглые, выкупленные из плена и т. п., о которых подробнее дальше. Конечно, чем крупнее было имение, тем больше оно включало таких категорий и тем скорее они сливались в одну более или менее однородную массу. Возможно, что очень значительные собственники довольно рано вовлекали в орбиту своего влияния и свободных крестьян. Модестин в середине III в. разбирает два завещания, по которым наследовались села с населяющими их людьми (Dig., XXXI, 34 и 77). Может быть, запрещение принимать села свободных крестьян под патроциний, сформулированное в начале V в., вызвано было не только распространением такой практики в этот период, но и тем, что тогда усиливается борьба с этой практикой, которая существовала уже задолго до V в., не встречая противодействия, как отвечающая исконному институту клиентелы.

В мелких и средних имениях, конечно, не могли существовать такие разнообразные категории работников. Вряд ли, например, в имениях такого типа могли часто встречаться колоны, пересдающие от себя землю другим колонам; незначительный владелец не мог стать и патроном свободных сел. Наконец, при общем разорении муниципальных землевладельцев вряд ли они вообще могли особенно интенсивно закрепощать колонов. Для этого надо было первым долгом стать их кредиторами, так как основной причиной, по которой в то время колон не мог покинуть имения, были его неоплатные долги владельцу. Долги эти возникали вследствие невзноса в срок арендных платежей, которые могли быть прощены на время, но затем снова взысканы; вследствие обязанности колона расплатиться к концу аренды за полученный инвентарь; или, наконец, вследствие того, что, как мы видели, колон в ряде случаев с самого начала выступал как должник, получив землю на правах прекарного держания. Муниципальные же землевладельцы, сами часто должавшие, вряд ли могли ссужать значительные суммы под залог имений; вряд ли могли они и долго терпеть накопление недоимок своих колонов, так как это лишило бы их возможности платить в срок подати и аннону, что привело бы к продаже их владений за долги фиску, случай тоже довольно частый. Поэтому собственники этой категории скорее сдавали свои земли целиком более богатым арендаторам, ведшим хозяйство за собственный счет и аккуратно вносившим платежи.

Таким образом, колонат вряд ли мог развиться на землях мелких

и средних собственников в той же степени, как на землях магнатов. Судя по вышеупомянутому рассказу филостратовского виноградаря, некоторые из разорившихся землевладельцев этой категории прибегали к обработке земли собственным трудом. Это советовал еще Плиний Старший, говоря о невыгодности рабского труда. Из «Апологии» Апулея известно, что менее богатые владельцы соединялись со своими соседями для взаимопомощи в сельскохозяйственных работах, причем такой метод был не менее распространен, чем использование труда рабов, которых в Африке и в III в. было еще значительное число. Такая же взаимопомощь соседей-земледельцев упоминается и в баснях Авиана. Можно предположить, что она имела место и в дунайских провинциях, недаром же там такое большое значение имели села и коллективы сельских жителей, которые, даже вступив в преторианскую гвардию, соединялись со своими земляками из разных когорт, чтобы поставить в Риме жертвенник или часовню какому-нибудь своему сельскому божеству. Возможно, что встречающиеся на Дунае, в Галлии и Африке коллегии поссессоров имели такое же значение. Таким образом, часть средних имений муниципальных землевладельцев могла сблизиться с крестьянскими хозяйствами. С середины III в. крестьянство, отошедшее на задний план в первые века империи, снова начинает играть заметную роль. Крестьянин, rusticanus, vicanus [1] резко отделяется от горожанина и пользуется известной поддержкой правительства, заинтересованного в кадрах для армии и в поднятии сельского хозяйства. Так, юрист II в. Помпоний определяет поселенца (incola), несущего ряд муниципальных повинностей, как человека, не только живущего в городе, но и имеющего в его пределах поле (Dig., L, 16, 239); между тем в середине III в. Модестин пишет, что проводящий жизнь в поле не может считаться поселенцем (incola) города, так как несправедливо, чтобы не пользующийся приятностями городской жизни нес муниципальные повинности (Dig., L, 1, 35). Диоклетиан запретил привлекать к каким-нибудь повинностям сельское население, вносящее подушную подать и аннону (CI, XI, 54, 1); Константин ограничил экстраординарные повинности сельского населения (CI, XI, 47, 1). Императоры IV в. указывали, что мирные и спокойные крестьяне (rusticitas) должны пользоваться особой защитой дефенсоров (CI, I, 55, 3—5).

С ростом роли крестьянства связано и то значение, которое приобрели в III в. дунайские провинции, в первую очередь как родина солдат и командиров значительной части легионов и вспомогательных частей. Крестьянские же хозяйства этих провинций, повидимому, основывались главным образом на труде самих землевладельцев и, возможно, очень небольшого количества рабов. Надписи рабов и отпущенников здесь очень немногочисленны. Это большей частью рабы и отпущенники императора, работавшие в администрации, рабы и отпущенники легатов, трибунов, чиновников при золотых приисках и таможнях, крупных откупщиков. У ветеранов и солдат, судя по надписям, редко бывало больше 1—2 рабов или отпущенников. Нет столь характерных для Италии и Африки больших гробниц на целую фамилию, отпущенников и их отпущенников и потомков. В районах с преобладанием местных имен надписи рабов и отпущенников почти вовсе отсутствуют. Очень редко упоминаются виллики, актоpы и, с другой стороны, викарии, рабы рабов. Создается довольно определенное впечатление, что рабы, в основном, здесь принадлежали пришлым администраторам и дельцам, местное же население вовсе их не имело

[1] Эти термины не всегда достаточно ясны, иногда они означают свободного крестьянина, иногда зависимого в той или иной степени, иногда колона императорских земель. Вопрос о терминах, определяющих различные категории сельского населения, еще нуждается в особом рассмотрении.

или имело очень мало. Зато, судя по эпитафиям, семьи в дунайских провинциях были весьма многочисленны, что давало возможность вести хозяйство своими силами, с малым числом рабов, возможно, с помощью односельчан и спорадическим применением наемного труда.

В связи с этим интересны и те, правда, немногочисленные, данные, которые дают нам дакийские таблички о ценах на рабов и наемников в конце II в. Так, шестилетняя девочка была куплена за 250 денариев, а мальчик-грек — за 600, женщина-критянка — за 420 денариев. В то же время в Африке в постановлении городского совета о потраве полей по вине рабов-пастухов цена раба, в среднем, определяется всего в 50 денариев (Aér, 1903, № 202). Очевидно, на Дунае раб был дорогим предметом роскоши. Зато несоизмеримо дешев был здесь наемный труд. Нанявшийся на золотые рудники с мая по ноябрь получал 70 денариев, столько же получал другой за целый год работы у какого-то частного лица. Как низки эти цены, видно из сопоставления их с эдиктом Диоклетиана (даже учитывая все колебания курса), по которому сельскохозяйственный наемный работник или пастух получал по 25 денариев в день, а ремесленники — по 50 денариев. В изданном же в 317 г. законе против укрывателей беглых рабов средняя цена раба определяется в 500 денариев (CI, VI, 1, 4). Эти данные подтверждают, что в дунайских провинциях число рабов не могло быть велико. Вероятно, так же обстояло дело и в крестьянских хозяйствах других провинций. Например, в Галлии, в прирейнских областях, где крестьянские хозяйства были многочисленны, надписи рабов почти не встречаются, тогда как их довольно много в районах с развитой муниципальной жизнью.

Такие крестьянские хозяйства легче, чем средние имения, могли приспособиться к натуральному хозяйству, будучи менее связанными с рынком. В тех же северных районах Галлии в III в. с упадком роскошной керамики Грофесенка, Лезу и т. п. снова появляются изделия, близкие по типу к доримским образцам, которые изготовляли крестьяне в своих хозяйствах. Ориентируясь на собственный труд, они не зависели от изменений в вопросе рабочей силы, и поэтому, когда муниципальные землевладельцы все более разоряются и деклассируются, снова, на время, приобретает значение крестьянство и провинции с преобладанием крестьянства. Но это было недолговременно, так как свободное крестьянство довольно быстро попадало в зависимость от магнатов, несмотря на противодействие правительства. Поэтому, если даже в III в. оно составляло известный противовес все растущим латифундиям, то все-таки это не дает возможности говорить о преобладании свободного труда. И вместе с тем рабы в крестьянских хозяйствах применялись в слишком незначительном числе, чтобы поддержать ведущую роль рабства.

Однако, если положение муниципальных землевладельцев привело к экономической эмансипации части рабов и росту отпущенничества, то нужда крупных магнатов в рабочей силе и господствующие отношения рабовладельческой формации обусловили рост прямо противоположной тенденции. Я уже говорила о сближении положения наемников и колонов с положением рабов; кроме того, к концу III в. значительное число свободных порабощается в полном смысле этого слова. До Диоклетиана включительно императоры пытались оказывать сопротивление этому процессу, но, повидимому, чем дальше, тем с меньшим успехом. Несмотря на неоднократные запрещения и признания таких сделок недействительными, свободные продавали в рабство себя и своих детей [1]; детей отдавали в залог

[1] Dig., I, 5, 21; XL, 12, 7; XL, 13, 1; CI, II, 4, 26; IV, 43, 1; VII, 16, 10; VII, 18, 1.

уплаты долга родителей [1]. Иногда кредиторы и сами захватывали должников (Dig., XLIII, 28, 4). Неоднократно рассматриваются случаи, когда более могущественные люди угрозами и насилием заставляли более бедного и беззащитного человека признать себя рабом, несмотря на все грозившие им за это кары [2]. Но были и законные способы порабощения свободных. Действительной признавалась продажа себя в рабство свободным, который был старше 25 лет и получал на руки свою цену. Такие случаи, вероятно, были нередки как вследствие нужды, так и вследствие того, что иногда положение раба сильного и богатого хозяина могло быть выгоднее и безопаснее положения беззащитного маленького человека. Ведь упоминает же Ульпиан лиц, ставших колонами в частных имениях, чтобы избежать муниципальных должностей (Dig., L, 5, 1). А в 319 г. Константин с возмущением пишет о повторяющихся случаях, когда декурионы, чтобы избежать повинностей, отдают свое имущество какому-нибудь магнату, женятся на его рабынях и тем самым «находят прибежище в недрах могущественных домов»[3], т. е., повидимому, становятся сами в положение, близкое к рабам. Другим узаконенным способом порабощения свободных был выкуп пленных у варваров. Такой выкупленный считался до тех пор, пока он не возместит выкуп, на положении заложника и фактически раба выкупившего. Он считался in potestate господина, который мог держать его в оковах и заставлять работать. Если он бежал, его возвращали господину. Нередки были случаи, когда выкупивший отказывался отпустить выкупленного, даже если он вносил затраченную на выкуп сумму [4]. Вероятно, часто случалось, что он вовсе не мог расплатиться, так как был разорен войной. Этот источник рабства, конечно, очень усилился во время бесконечных войн и смут III в., причем рабами становились и захваченные в плен во время гражданских войн, хотя законом это и не санкционировалось [5]. Как и покупка свободных, и захват должников, этот способ приобретения рабочей силы, конечно, был более доступен крупным собственникам, имевшим и свободные средства и силу оказывать покровительство попавшим под их власть людям. Наконец, рабами становились преступники, например, не явившиеся на рекрутский набор (Dig., XLIX, 16, 4). Бродяги считались беглыми рабами и раздавались желающим (Dig., XI, 41). Рабами при Диоклетиане были объявлены и пойманные разбойники. Они были розданы «в силу щедрости принцепса», причем и им и их потомкам было раз навсегда отказано в освобождении (CI, VII, 18, 2). Таких, вероятно, было тоже немало, поскольку при Диоклетиане были подавлены движения подводившихся под категорию разбойников багаудов и африканских повстанцев, не считая более мелких «разбойничьих» отрядов в различных провинциях.

В результате всех этих процессов создалось такое положение, что в одной и той же семье оказывались и свободные и рабы. Так, например, солдату, который всегда был свободнорожденный, было разрешено начинать тяжбу, если кто-либо из его родных, по его мнению, несправедливо попадал в рабство (Dig., XL, 12, 3). Некий Регин обратился к Диоклетиану с просьбой признать его братьев свободными, так как они таковыми родились, а он до сих пор остается свободным. Диоклетиан ответил, что последнее обстоятельство ничего не значит, поскольку, по многим причинам, братья, рожденные свободными, в силу привходящих обстоятельств и

[1] Dig., IV, 10, 12; CI, VIII, 17, 6.
[2] Dig., IV, 2, 3—4; XL, 12, 16; 13, 3; XLVIII, 19,28; CI, VII, 16, 6; 10, 39; IX, 20, 7; Paul., Sent., V, 1, 4.
[3] CI, V, 5, 3; CTh., XII, 1, 6.
[4] Dig., XXVIII, 1, 20; XLIII, 28, 3; XLVIII, 19, 38; CI, VIII, 51, 2; 6; 7.
[5] Dig., XLIX, 15, 21; CI, VII, 14, 4.

вин могут получить разный статус (CI, VII, 16, 17). Обратился к нему и попавший в рабство некто Евремидонт, доказывая свои права на свободу тем, что его дед был декурионом, но император разъяснил ему, что это также ничего не доказывает, так как по многим причинам статус изменяется и что это вполне обычно (там же, 28).

Таким образом, вторая половина III в. характеризуется в социальном отношении значительным перемешением представителей различных классов и слоев общества. Часть рабов, добившись экономической независимости, юридически или фактически получила свободу, а часть свободных разных кругов, вплоть до декурионов, юридически или фактически попала в рабство. Надо думать, что возмущение и протест среди последних должны были быть очень сильны, так как, по словам Ульпиана, для всякого свободного рабство почти подобно смерти (Dig., L, 209). Присутствие среди новых рабов «разбойников», уже имевших опыт борьбы, должно было еще больше обострить противоречия и вызвать ответный нажим со стороны правящих классов.

Как бы ни смягчалось положение рабов во II и III вв., эти смягчения касались лишь покорных рабов. Устои рабовладельческого общества охранялись неукоснительно. Начиная с Марка Аврелия, принимается ряд мер по розыску и наказанию беглых рабов, усиливается кара за подстрекательство раба к бегству, за укрывательство беглых. По Ульпиану, штраф за последнее преступление назначался в огромную сумму — 50 тыс. сестерций [1]. Любопытно, что наказывался также свободный, который, зная, что он свободен, ушел от господина до того, как его свобода была признана судом (Dig., XL, 12, 10). Такой самовольный уход уже походил на мятеж. Не разрешалось отпускать раба по требованию народа, хотя бы господин и дал согласие на его освобождение [2]. Такое требование народа тоже, видимо, считалось мятежным; всякий же мятежный дух беспощадно подавлялся. Никогда не был смягчен закон, предписывавший казнь фамилии убитого господина. По словам Ульпиана, отмена или смягчение его повергли бы в опасность всех рабовладельцев. Напротив, закон этот делается все суровее. Пытке начинают предавать даже несовершеннолетних, усиливается кара за сокрытие раба из осужденной фамилии; по постановлению Траяна, в ее число включались и отпущенники убитого, даже если они получили ius annulorum (Dig., XXVIII, 5, 10). За покушение на господина раба предавали сожжению (Dig., XLVIII, 19, 28). Особые наказания предусматривались за «моральную порчу» своего или чужого раба, за данный ему совет прибегнуть к императорским изображениям. Еще более каралось подстрекательство против господина целой фамилии, включавшей и рабов и наемников (Dig., XLVII, 8, 2). В 208 г. был издан закон, по которому господин, раб которого совершил какое-либо преступление (iniuria), клеймился бесчестием (CI, II, 12, 10). Господина хотели заставить более тщательно смотреть за рабами. При Александре Севере было предписано взимать штраф в размере 100 золотых с магистратов коллегий, принявших в коллегию раба без ведома и согласия господина (Dig., XLVII, 22, 3). Это мероприятие, как и запрещение освобождать раба по требованию народа, должно было помешать прогрессирующему сближению рабов и свободных из низших классов.

Социальные сдвиги и обострение классовой борьбы в конце III в. еще более усилили строгость к рабам. Особенно характерно в этом смысле правление Константина, который вовсе не проявлял той гуманности, которую некоторые исследователи склонны приписывать первому христиан-

[1] Dig., I, 15, 5; XI, 4, 1—3; XLVIII, 11, 15; Mos. et Rom. leg. coll., XIV, 3, 6.
[2] Dig., XL, 9, 17; Scaev., Fragm. 7.

скому императору. Правление Константина знаменовало собой окончание кризиса III в., победу латифундиального землевладения над муниципальным и правящих классов над эксплуатируемыми. Энгельс указывает, что государство, как орган, который, едва возникнув, «. . . приобретает самостоятельность по отношению к обществу и тем более успевает в этом, чем более он становится органом одного определенного класса...» [1] Это в полной мере относится к правлению Константина, когда была отброшена даже социальная демагогия, характерная для ранней империи.

Для подавления сопротивления низших классов правительство старалось усилить грань, разделявшую свободных и рабов, чтобы не дать им выступать совместно. Так, например, в 326 г. был издан закон, присуждавший к костру свободную женщину, вступившую в связь с рабом, причем, если на нее доносил этот самый раб, он получал свободу (CI, IX, 11, 1). Декурион за брак с рабыней лишался всего имущества и ссылался на острова, а рабыня — в рудники, так же как управители имений, в которых совершалось это «беззаконие»; если о нем знал господин рабыни, его имущество конфисковалось [2]. По закону 314 г. раб, обвинивший господина в оскорблении величества, присуждался за «дерзость» к виселице, даже если такое обвинение соответствовало действительности (CTh., IX, 5, 1); в 320 г. был восстановлен забытый закон Коммода о возвращении в рабство «неблагодарного» отпущенника и его детей (CI, VI, 7, 2). Усиливается власть господина. Дважды, в 319 и 326 гг., Константин предписывает не взыскивать с господина, засекшего раба до смерти [3]. Сформулирован этот закон с достаточной определенностью: «если раб случайно умрет от розог господина, то господин свободен от вины, так как, исправляя худшее, он желал лучшего для своих рабов. Мы не хотим производить расследование в этом деле, в котором господин должен иметь полное право относительно рабов, независимо от того, хотел ли он убить человека, или только наказать. Не следует обвинять господина в смерти раба, когда он просто проявил свою власть в домашнем расследовании. Поэтому, если рабы из-за неизбежной судьбы умрут от исправления сечением, пусть господа не боятся расследования». Чрезвычайно усиливается наказание за подстрекательство раба к бегству. В III в. оно каралось значительным штрафом, по закону 332 г. — пыткой (CI, VI, 1, 6). Характерно, что зато снижается ответственность за принятие чужого раба. Как я уже упоминала, по Ульпиану, штраф за это равнялся 50 тыс. сестерций, а по закону 317 г. — 20 солидам (CI, VI, 1, 4), что, учитывая даже колебания денежного курса, значительно меньше. К тому же еще предписывалось выяснить, не нарочно ли подослал господин раба в чужое имение, чтобы затем нажиться на штрафе. Ясно, что это шло на пользу крупным владельцам, к которым чаще бежали рабы и которые охотно их принимали. Особенно резко изменилось отношение к рабам, уходившим к варварам. По Павлу, они, будучи пойманы, возвращались господину и даже могли быть впоследствии освобождены (Dig., XLIX, 15, 19); по закону Константина и Лициния такие рабы-перебежчики ссылаются в рудники или им отрезается нога (CI, VI, 1, 3). Повидимому, в первой четверти III в. еще не обозначилась вся сила опасности от возможности союза рабов с «варварами», через 90 лет она стала вполне очевидна, и государство вмешивалось само, не доверяя мести даже господину.

Естественно встает вопрос, увеличилось ли в результате указанных процессов, а также захвата пленных количество рабов в IV в., каким образом они использовались и не происходит ли в это время некий возврат

[1] Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец классический немецкой философии, 1949, стр. 48.
[2] CI, V, 5, 3; CTh., XII, 1, 6.
[3] CI, IX, 14, 1; CTh., IX, 12, 2.

к классическим формам рабовладения. Мы не имеем данных, чтобы ответить со всей определенностью на эти вопросы. Достаточно известно сатирическое описание Аммианом Марцеллином быта и нравов римских богачей. Здесь он определенно говорит о «войсках слуг» (familiorum agmina), с которыми магнаты путешествуют, причем называет в числе их рабов-ремесленников, поваров и рабов без определенных профессий, т. е. домашнюю челядь (Amm. Marc., XIV, 6). В упоминавшемся уже законе Константина против продажи городских рабов опекунами говорится, что рабы, знающие ремесла, должны трудиться на своих малолетних господ, а те, которые не могут быть им полезны или же не знают никакого ремесла, пусть кормятся своим трудом или назначенным им содержанием (CI, V, 37, 22). В инструкции по описи конфискованных имений предписывается указывать, сколько в имении рабов сельских и городских, каким ремеслам они обучены, сколько цензуариев и колонов (CI, IX, 49, 7). Все это позволяет предполагать, что хотя у крупных владельцев рабов было довольно много, но они использовались главным образом как ремесленники и домашние слуги. Интересно, что появившиеся в IV в. ошейники для рабов с обозначением имени раба, имени хозяина и адреса, по которому раб должен быть доставлен в случае его бегства и поимки, за одним исключением, найдены только в Риме, т. е. именно там, где, по описанию Аммиана Марцеллина, царила роскошь, требовавшая, чтобы у знатного человека были толпы челяди. Любопытно также, что в юридических и литературных памятниках IV в рабы определяются чаще всего термином famulus. Некогда Сенека, сетуя на исчезновение древних патриархальных отношений между рабами и господами, писал, что раб именуется famulus, familiares уже только на сцене. В IV в. этот термин возрождается, что косвенно подтверждает представление о рабе как главным образом о домашнем слуге. Правда, в поисках рабочей силы крупные собственники принимали беглых рабов, как и беглых колонов, и дезертиров, принимали скитающихся рабов из покинутых имений (CI, IX, 49, 7), покупали детей у свободных бедняков. Еще при Диоклетиане такие сделки считались недействительными. Константин придал им законную силу (Fr. iur. Vat., 34), предоставив только родителям право выкупать их, что, однако, не распространялось на детей «варваров» (gentiles), которые вообще не могли иметь законных родственников (CTh., III, 14). Однако, повидимому, в крупных имениях все эти категории использовались или в качестве слуг и ремесленников, или в качестве колонов. Например, известно, что владельцы, принявшие беглых рабов, сажали их на землю за плату натурой, или издольно (CI, XI, 47, 8). Характерно также, что если в III в., как я уже упоминала, бродяги признавались беглыми рабами, то в IV в. их раздавали желающим как беглых-колонов (CTh., XIV, 18,1).

Любопытны, хотя и немногочисленные, данные Палладия. К сожалению, в отличие от Колумеллы, он почти не касается вопроса о рабочей силе. О рабах он говорит дважды — советуя не ставить во главе имения балованого и изнеженного раба (I, 6), и в заключение своего трактата, где он высказывает свои общие взгляды на рабов. По его мнению, ленивый, медлительный и тупой раб предпочтительнее деятельного, энергичного и инициативного, так как эти качества толкают раба на зло, тогда как лень ближе к добродушию (XIV). При таких взглядах вряд ли можно было вести рациональное хозяйство, основанное на рабском труде, а хозяйство, описанное Палладием, весьма рационально. Между прочим, все необходимое, вплоть до свинцовых труб для водопровода, производится в имении (IX, 12). По словам Палладия, надо иметь своих кузнецов, плотников, горшечников, бочаров, чтобы земледельцы (rustici) не отвлекались от работ потребностью поездок в город. Но, говоря о различных сельскохозяйственных

работах, он не упоминает, кто же были работники, называя их просто землекопами или жнецами, за работой которых надзирают надсмотрщики. В число инвентаря он включает кожаные туники с капюшонами для сельскохозяйственных работ, следовательно, хозяин одевал своих работников (I, 43). Он предупреждает, что сдающий землю самостоятельному хозяину или колону, имеющему свою собственность, наживает бесконечные тяжбы и убытки (I, 6). На основании этих отдельных намеков довольно трудно себе представить, кто же работал в имениях Палладия. Весьма вероятно, что ремесленники были рабами, может быть, рабами были птичники и скотники, обладавшие, судя по всему, довольно высокой квалификацией [1] и постоянно находившиеся в имении. Но кто же были основные работники, которых он называл rustici, — землекопы, жнецы? Очевидно, не свободные арендаторы за деньги. Значит, это могли быть или колоны, вполне зависимые от господина и обязанные работой, или лица, живущие в имении и обрабатывающие его за часть плодов, которые им предоставлял хозяин. Такая категория предусмотрена в одном из рескриптов Валентина (CI, XI, 47, 8). Во всяком случае, это не рабы в классическом смысле.

Вообще, если судить по юридическим памятникам, создается определенное впечатление, что колоны в IV в. в основном связываются с крупными имениями, а рабы, так же как и в III в., — с доживавшим последние дни муниципальным землевладением. Так, в упоминавшемся уже законе о браке декурионов с рабынями магнатов предусматривается конфискация имения и сельских рабов виновного декуриона. Другой закон говорит о продаже имения и рабов за невзнос податей (CTh., IX, 9, 2). Закон от 315 г. запрещает за частные долги уводить быков и рабов-пахарей, чтобы фиск не пострадал от задержки податей (CI, VIII, 17, 7). Оба эти закона могли, в первую очередь, относиться к средним и мелким хозяйством. Они же, вероятно, имеются в виду в законах о рабах из брошенных имений [2]. По всей видимости, рабы применялись и в хозяйствах ветеранов, по типу близких к муниципальным. По закону 320 г. ветераны после отставки получали землю, быков, семена и деньги на обзаведение (CTh., VII, 20, 3). На эти деньги они, повидимому, приобретали рабов, так как в подтверждающем этот закон постановлении 364 г. говорится, что рабы, приведенные на пожалованные им земли, пользуются иммунитетом (там же, 8). Другой закон запрещает лицам, получившим патримониальные земли, т. е., вероятно, тем же ветеранам, заменять живущих на этих землях колонов своими рабами (CI, XI, 52, 3). Упоминаются также военные, берущие рабов из пустующих имений [3]. Констанций разрешил солдатам брать с собой в лагери рабов, купленных за счет их лагерного пекулия (CI, XII, 35, 10). Однако значительная часть солдат несомненно оставалась на уровне крестьян, имея лишь нескольких рабов. Так, если сын ветерана, поступая на военную службу, приводил с собой двух коней или коня и раба, он зачислялся в привилегированную кавалерийскую часть и получал две аннопы — отличие, которое «другие получали лишь после многих трудов и заслуг» (CTh., VII, 22, 2). Это показывает, что далеко не каждый ветеран мог выделить сыну раба и, следовательно, имел их немного[4].

Так же, вероятно, обстояло дело и в самостоятельных крестьянских хозяйствах, повидимому, дольше всего сохранившихся на Дунае. Именно к президам этих провинций обращены императорские рескрипты, касаю-

[1] Так, Палладий, давая советы, как ухаживать за павлинами, фазанами и тому подобными редкими и нежными птицами, прибавляет, что об уходе за курами не пишет, поскольку это дело знакомо каждой женщине.

[2] CTh., X, 12, 1; XI, 1, 12.

[3] Там же.

[4] См., например, Sulp. Sev., Vita Beat. Mart., 1.

щиеся крестьян и их рабов: запрещение чиновникам забирать для своих нужд быков и рабов у крестьян (CI, XI, 54, 2), запрещение уводить у них рабов в залог взноса обмундирования на армию, которое должны были представлять по одному комплекту каждые 20 хозяйств (CTh., XI, 9, 1); дефенсорам этих провинций предписывалось помогать крестьянам в поимке беглого раба (CTh., I, 29, 2; 5); за укрывательство беглого раба здесь с виновного взыскивалась его четырехкратная стоимость (CI, XI, 52), тогда как в других местах виновный должен был внести лишь стоимость беглого. В Галлии, как мы знаем из панегириков, пленные раздавались в крупные хозяйства в качестве колонов, в дунайских же провинциях, судя по Аммиану Марцеллину, они поступали в непосредственное распоряжение солдат в качестве рабов (XVII, 13).

С устойчивостью свободного крестьянского хозяйства в дунайских провинциях связано и позднее развитие там колоната. Ведь закон Валентиниана, прикреплявший к земле тамошних колонов, появился лишь спустя 40 лет после соответствующего закона Константина, и еще позже издан был закон Феодосия о колонах Фракии (CI, XI, 51 и 52). При этом оба закона подчеркивают, что колон свободен и служит только земле, тогда как в других провинциях колон рассматривается уже почти как раб хозяина имения (CI, XI, 49, 2). Это объясняется тем, что колоны здесь произошли главным образом из свободных крестьян (так, закон о фракийских колонах связывает их прикрепление к земле с отменой подушной подати, платившейся крестьянами), а не из смешанного населения крупных имений, как в провинциях, где крупное землевладение было всегда развито и где рабство имело большее значение. Там на положение колонов сильнее влияли отношения рабовладельческой формации, и оно было ближе к положению рабов. В провинциях с преобладанием муниципального землевладения, которое более или менее приближается к форме, охарактеризованной Марксом, как «античная форма», и где в первые века империи рабский труд был основным, процесс возникновения новых форм был особенно сложен и тяжел для широких масс. На них сказывалось медленное, но неуклонное разорение и исчезновение муниципальных землевладельцев, пытавшихся перенести всю тяжесть на плечи низших классов. Экономика страдала особенно сильно. Именно земли этих средних землевладельцев, декурионов, оказывались заброшенными, рабы разбегались, превращались в бродяг, а затем в колонов на землях магнатов или за долги своих господ переходили в собственность императора и становились рабочими императорских фабрик или колонами его земель. Дунайские же провинции, где, повидимому, крупное землевладение развилось лишь в IV в., когда земли жаловались крупным командирам и придворным, выходцам из тех мест, и где рабство было мало развито, восприняли колонат, более близкий по типу к феодальной зависимости, поскольку колоны, происшедшие из свободных крестьян, прикреплялись к земле, а не к владельцу. Мы видим в IV в. любопытную аналогию между Мавретанией и Панноннией — по данным Expositio totius mundi только эти две провинции торговали рабами. Вряд ли это объясняется только близостью этих провинций к «варварам», которых можно было захватывать для продажи или покупать у них рабов. К середине IV в. такие сделки были затруднены категорическим запрещением под страхом пытки давать «варварам» драгоценные металлы в уплату за рабов и другие товары (CI, IV, 64, 2). Кроме того, непонятно, почему другие пограничные провинции не экспортировали рабов. Поэтому можно с большим вероятием предположить, что эти рабы происходили из среды местного населения. Мы знаем из известного места сочинения Оптата против донатистов, что агонистики, действовавшие на границе Мавретании и Нумидии, уничтожали долговые обязательства (III, 4). Следовательно,

вопрос о долгах был очень важен для местных низших классов, главным образом для крестьянства, которое попадало в долговую кабалу и становилось колонами или рабами, недаром же агонистики освобождали рабов. Вероятно, такое же положение имело место и в Паннонии, где к этому времени крестьяне прикрепляются к земле в качестве колонов, а, частично, видимо, также превращаются в рабов. Именно с конца IV в. начинается упадок Паннонии [1], который в связи с ростом латифундий уже давно охватил другие провинции.

Таким образом, мы видим, что во времена империи экономический и социальный строй провинций, а также их развитие были весьма различны. Рабство преобладало в провинциях с развитым муниципальным землевладением и приходит в упадок с победой латифундий, когда происходит известная нивелировка, хотя в разных провинциях процесс этот шел по-разному.

Нельзя считать, что рабство остается ведущим до конца империи; если в IV в. число рабов и возросло, то использовались они или как ремесленники и домашние слуги, или как колоны на землях крупных владельцев. Колонат был выгоден при больших имениях, где мог быть полнее налажен внутренний обмен (CTh., XIII, 1; 3 и 6) и уменьшена связь с внешним рынком. Поэтому крупные собственники расширяли свои земли, тогда как землевладельцы, базировавшиеся на рабстве, их оставляли.

Однако нельзя говорить и о полной феодализации империи и непосредственной ее эволюции в феодальное государство, так как производственные отношения и надстройка рабовладельческой формации сковывали развитие новых отношений, которые могли развиться только с гибелью старых.

[1] См. введение к книге A. Alföldi, Der Untergang der Römerherrschaft in Pannonien, 1948.